
Источник: Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969.

Под. ред. ак. В. В. Виноградова. Составление В. А. Каверина и З. А. Никитиной.

Электронная версия: Александр Продан.

Оригинал находится по адресу: Библиотека Александра Белоусенко

Два факта останавливают прежде всего внимание исследователя Пушкина: 1) многократное и противоречивое осмысление его творчества со стороны современников и позднейших литературных поколений и 2) необычная по размерам и скорости эволюция его как поэта.

Переосмысление литературных произведений -- факт общий. Таков же факт борьбы младших литературных поколений со старшими.¹ Но и борьба с Пушкиным и переосмыслением его имеют необщий характер. Пушкин побывал уже в звании "романтика", "реалиста", "национального поэта" (в смысле, придаваемом этому слову Аполлоном Григорьевым, и в другом, позднейшем), в эпоху символистов он был "символистом". Надеждин боролся с ним как с пародизатором русской истории по поводу "Полтавы",² часть современной Пушкину критики и Писарев³ -- как с легкомысленным поэтом по поводу "Евгения Онегина". Самая природа оценок, доходящая до того, что любое литературное поколение либо борется с Пушкиным, либо зачисляет его в свои ряды по какому-либо одному признаку, либо, наконец, пройдя вначале первый этап, кончает последним, -- предполагает особые основы для этого в самом его творчестве. Эволюционный диапазон Пушкина нередко в понимании XIX в. подменялся понятием широты и универсальности его жанров: лирики, эпоса, стиховой драмы, художественной прозы и журнальных жанров. Между тем жанровая универсальность была общим признаком литературы 20-х годов (Кюхельбекер, например, писал и лирические стихотворения, и поэмы, и стиховые драмы, и художественную прозу, и работал во всех журнальных жанрах). Понятие жанровой широты по отношению к Пушкину оказывается менее существенным, нежели быстрая, даже катастрофическая эволюция его творчества: "Руслан и Людмила" отделена от "Бориса Годунова" всего пятью годами. Оба основных факта находят объяснение в самых писательских методах Пушкина.

У Пушкина не было ученичества в том смысле, как оно было, например, у Лермонтова. Острый интерес последних лет XIX в. и символистов к его так называемым "лицейским стихотворениям" вполне оправдан, и если все же в конце концов преобладает мнение, выраженное Брюсовым, что "лицейские стихи представляют интерес более исторический и биографический, нежели художественный", -- это происходит от неправомерного сопоставления лицейской лирики с позднейшею. Пушкин никогда не отказывался от лицейских стихов. Будучи уже зрелым поэтом, работая над "Евгением Онегиным" и "Борисом Годуновым", в 1825 г. Пушкин подготавливает к печати лицейские стихи, и рецидив лицейских приемов можно увидеть в таких стихотворениях этого года, как "Пред рыцарем блеснит вода" (из Ариостова Orlando Furioso), "С португальского" ("Там звезда зари взошла"), "Лишь розы увядают" и др. Подробный анализ этой позднейшей редакторской работы Пушкина над его лицейской лирикой не произведен и выводы не сделаны. А между тем они могли бы выяснить многое. Эти поправки выражаются главным образом: 1) в сокращениях текста; 2) в лексическом упорядочении или изменении лексической окраски; 3) в семантическом обогащении текста.

Примером сокращения может служить редакция 1825 г. стихотворения "Красавице, которая нюхала табак". В стихах:

*Тогда б, в сердечном восхищенье,
Рассыпался на грудь и, может, сквозь платок
Проникнуть захотел... о сладость вожделенья!
До тайных прелестей, которых сам Эрот
Запирал за леса и горы,
Чтоб не могли нескромны взоры
Открыть вместилище божественных красот.
Но что! мечта, мечта пустая!*

-- выпущены стихи 3--5.⁴ Несомненно, эротизм, хоть и перифрастический, стихов мог показаться неудобным для печати, но любопытна свобода самого сокращения, перерыв на недоконченной фразе: "и может сквозь платок. . . Но что! мечта, мечта, пустая!" Таким образом, вместо развитого перифрастического описания дается как бы свобода для догадок; перерыв, пауза на слове "платок"